

КАК ЖАЛКО, ЧТО С НАМИ НЕТ ПЛЯТТА

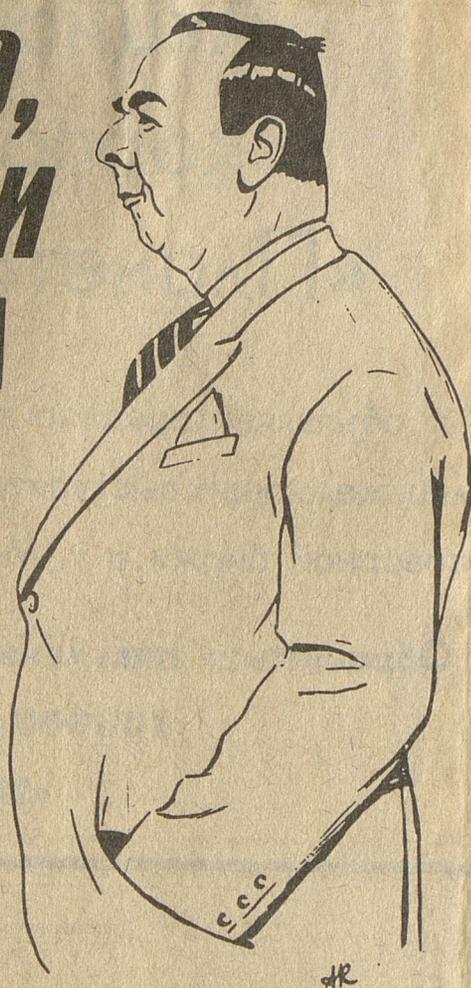
Кульгуро.-1991. Эпх.-С. 16.

На днях Ростиславу
Яновичу Плятту

исполнилось бы 83 года.

Дата как бы некруглая.

Но ниже станет понятно,
почему я «неурочно» пишу.

ПО РОДУ СЛУЖБЫ я знал многих актеров не только по сцене или экрану. Они, конечно, умеют огорчать. Однако, гораздо больше они приносят в жизнь радости. Самые искренние им мои благодарности. Но, пожалуй, никого я так не любил, как Ростислава Яновича Плятта. Причем именно любил. Не умилялся, не изумлялся, не восхищался. А просто любил. Самым обыкновенным и простым образом.

Объясняется это тем, что сам Ростислав Янович был именно простым и обыкновенным. Широкие трудящиеся массы зрителей в своем представлении его несколько «загнали на котурны». На что Ростислав Янович не скрывал досады. А он был обыкновенно интеллигентен, обыкновенно умен, обыкновенно талантлив. И все вместе это давало необыкновенный эффект. В каждом из нас найдется какое-то отдельное великолепное качество. Но гармония в человеке — роскошь редкая, редчайшая. Это уже называется красивым человеком.

Люди бывают громоподобно галантными. В Ростиславе Яновиче была тишина воистину воспитанного человека. Он был нешуточно предупредителен, он непоказно внимательно вслушивался в ваши так называемые мысли, а сколь безмерно он был предан зрителю, выходя на сцену. Мне кажется, что его обременял его огромный рост. Ему даже таким невольным образом не хотелось бы возвышаться над людьми. Это было совершенно не в его натуре.

Но в этом даже застенчивом человеке бурлила какая-то злодейская склонность к розыгрышам. Я, признаюсь, «разыгрывателей» недолюбиваю. Они обычно с веселым ржанием обижают человека. Но от милых розыгрышей Ростислава Яновича, веселых, беззаботных, сами «жертвы» приходили в телячий восторг. Я Ростислава Яновича видел и в гневе, и в нелюбовности, но совершенно не могу себе представить, как бы он обидел человека. Ну просто не было в нем этого.

Не смею посягать на «авторские права» Р. Я. на розыгрыши. Расскажу-ка, однако, как я в свою очередь над ним подтрунил.

Ростиславу Яновичу тогда исполнилось 70 лет. А я в те дни был в командировке в го-

роде Гомеле. Отправляюсь утром на почту и протягиваю в окошечко телеграмму: «От Плятта до смешного один шаг. Граф Гомельтон». Надеюсь, вы заметили, как я необычайно остроумно обыграл здесь и мою фамилию, и название города.

Телеграмма ушла по назначению.

Уже потом, «по назначению», я имел маленький реванш: «А вы знаете, — хохотал Плятт, — я ведь не сразу сообразил, от кого эта телеграмма. Вот, а вы все великолепно утешаете меня, что я остроумный. До чего же вы неискренний человек!»

Запустить «шпильку» в собственный адрес для него было упоительным наслаждением. Он вообще очень строго и придирчиво относился к себе. Как-то он подробно рассказал мне о трех своих, на его взгляд, из рук вон плохо исполненных ролях. Причем вспоминал с какой-то жесткостью, тщательностью.

Статья, которую я написал, так и называлась — «Три краха Ростислава Плятта».

Он позвонил в тот же день, когда вышла газета:

— Дорогой мой, спасибо! Мы так редко говорим по делу. Нам все букеты цветов подавай.

И дальше его неизменная фраза-приглашение: «Не пропадайте подолгу, уж ведро-то кофе всегда найдем».

Правда, требователен он был не только к себе, но и к другим. Журналисты всегда невозможно добиться интервью. Это правда. И не только потому, что Р. Я. был не ще-

славен. Это ведь просто объяснялось. Он интервью не наговаривал, а писал. Сам писал. Он сам был хозяин своему слову.

Помнится, я как-то опубликовал интервью с ним. Вопросы, конечно, были мои. Но все ответы он, до единого словечка, написал сам. И ни одной запятой там редактировать не было никакой нужды. Высочайшей культуры был человек! Он во всем был талантлив. А в чем талантлив не был, за это никогда не брался. Например, сама мысль режиссировать спектакль приводила его в раздражение: «С чего бы? Я — артист!»

Но особенно он талантлив был в отношениях к людям, к друзьям. Он был вернейший, нежнейший друг. А ведь в актерской среде, что ни говори, сами понимаете... И друзья до последних его дней ласково называли этого седовласого, импозантного мужчину «Слава» или даже «Славочка». Он их любил, он был неистово им предан.

Но не обходил их при этом шуткой. Как-то он мне трагически-сокрушенно сказал: «Фаина начала кокетничать! Она всем говорит, что ей восемьдесят четыре года. Но я-то знаю, что ей всего лишь восемьдесят три». А Фаина Георгиевна Раневская на эту шутку лукаво жмурилась и, что на нее непохоже, принимала позу умолчания.

Он мучительно переживал утраты. Как-то я зашел к нему. Бродит по пустой квартире, огромный, какой-то потерянный, в каком-то затрапезном халате, больная нога обмотана махровым полотенцем. Та-

кой одинокий! И так мне его стало жалко. «Плохо мне, дорогой вы мой, очень плохо. Я ведь в этом году потерял жену, Верочку Марецкую, Завадского». И такая безысходность! Так изнывать можно, только умея любить.

Он очень любил своих друзей. И я вам сейчас это покажу.

Как я уже сказал, на днях отмечался день рождения покойного Ростислава Яновича. И добрые люди сделали так, что именно в этот день вышла в свет его книга «Без эпилога». Вот что и позволило мне «неурочно» писать — не к круглой дате, а к дню рождения его книги. У нее прекрасный редактор — Борис Поюровский. Но всю книгу, до единой строчки, что не очень-то в обиходе, Ростислав Янович написал сам. Автор своей книги, автор своей жизни.

Не стану обременять вас рецензией на книгу. Приведу лишь несколько примеров того, как он нежно и благодарно говорил о людях.

О Станиславском:

«Даже я, с моим малым запасом живых впечатлений от Станиславского, могу свидетельствовать — он был гениальным реформатором театра и самым крупным актером МХАТа при жизни его знаменитых стариков. Он был великим актером, излучавшим обаяние такой силы, что оно сразу возвышало его над общим уровнем, в каком бы составе он ни играл».

Об Осипе Абдулове:

«Абдулов... Сама фамилия какая-то круглая, звучная, сочная, очень идущая тому, кто ее носит... Кажется, что и человек с такой фамилией обязательно должен быть цветущим, веселым, шумным, жизнерадостным и артист — таким же».

О Фанне Раневской:

«С ней невозможно было играть, что называется «вполтона». Она посылала партнеру такой эмоциональный заряд, который требовал ответа не меньшей силы. А если это не происходило, то начинало казаться, что Раневская подчиняет себе сцену. И это было не виной ее, а бедой, ибо при мощи своего дарования она и тратилась больше других».

О Любови Орловой:

«Она светилась радостью, красотой, весельем и счастьем, и этот свет бесконечно радовал и согревал людей».

Об Андрее Попове:

«Андрей Алексеевич, конечно, был чеховским человеком. Я часто играю вот в какую игру, в уме, разумеется: «Сегодня можно прийти в гости к Антону Павловичу, на его ялтинскую дачу. Кого можно взять с собой, чтобы сделать хозяину приятное и себя не осрамить? Попов, Попов, конечно же, Попов, первая кандидатура! Я убежден, что он понравится Антону Павловичу и своей сдержанностью, и душевным изяществом, и своим очаровательным, скрытым юмором».

О Михаиле Ромме:

«Он с восторгом принимал удачу, актерские находки, а неудачи тут же сокрушительным юмором отсекал. И вот действительно для меня Ромм и юмор — понятия неразсторжимые. Я бы пожелал каждому режиссеру-комедиографу, чтобы на его съемочной площадке царил та легкая, веселая, иронически-юмористическая атмосфера, которая в высшей степени была свойственна стилю работы Ромма, даже когда он отрабатывал самый драматический кусок».

Ну разве эти человеческие строки не памятник благородной, благодарной душе? Да только памятник стал надгробием. И никто уже не позволяет: «Ну что же вы запропадаете? Уж ведро-то кофе всегда найдем!» И мы с ним не смеялись. Мы улыбались.

Эдуард ГРАФОВ.

Известно, что, дожив до 80 лет, Ростислав Янович Плятт так и не дал согласия на проведение официального своего юбилея. Накрывал стол и дома, и в театре, с удовольствием щедро угощал друзей. Но чтобы сесть на сцене в кресло и слушать речи о себе, ни за какие коврижки!..

Но теперь... Теперь он, увы, не мог уже помешать друзьям отметить его день рождения в Центральном доме антера имени А. А. Яблочниковой, с которым был связан долгие годы. Тем более что и повод для этого выдался отличный — издательство «Искусство» выпустило книгу его мемуаров «Без эпилога». И в этом тоже Плятт остался верен себе: он продолжает одаривать нас своей любовью, юмором, верой в людей, которой так недостает нам сегодня.